
ИСТОРИЯ

Р. С. Колокольчикова

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАСЕЛЕНИЯ:
ПЬЯНСТВО И АЛКОГОЛИЗМ В ИНДУСТРИАЛЬНЫХ ГОРОДАХ
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
(сер. 1960-х — сер. 1980-х гг.)***

В статье речь идет о возрастающем потреблении спиртных напитков населением индустриальных городов Европейского Севера России, где показатели потребления алкоголя на душу населения были выше среднеобластных и среднереспубликанских. Выясняются причины пьянства и алкоголизма, рассматривается социокультурный облик злоупотребляющих алкоголем, влияние злоупотребления спиртными напитками на здоровье населения, на оперативную обстановку в городах, на другие стороны жизни горожан.

Ключевые слова: индустриальные города, социальные проблемы, пьянство, алкоголизм, социальный портрет, миграция, спецконтингент, наркологическая служба.

R. Kolokolchikova

**SOCIAL PROBLEMS OF THE POPULATION:
HARD DRINKING AND ALCOHOLISM IN INDUSTRIAL CITIES
OF THE EUROPEAN NORTH OF RUSSIA
(mid. 1960s — mid. 1980s)**

The article states the increase of alcohol consumption in the industrial cities of the European North of Russia, where alcohol consumption per capita was higher than the region and national average, the reasons of hard drinking and alcoholism are analysed, the socio-cultural identity of the hard drinking people is described, the influence of alcohol abuse on health, on crime-situation in the cities, other aspects of life of the citizens is regarded.

Keywords: Industrial cities, social problems, hard drinking, alcoholism, social portrait, migration, special-contingent, narcology service.

Индустриальные города — это самая многочисленная типологическая группа городских поселений на Европейском Се-

вере России, которая стала формироваться в ходе развернувшейся в стране индустриализации. В изучаемый период на Евро-

Работа выполнена в рамках реализации проекта «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы. ГК П 360.

пейском Севере России происходили дальнейшие изменения картины городского расселения, связанные с осуществлением крупных народно-хозяйственных программ регионального и общесоюзного значения. В результате этого городские поселения, история которых началась ранее, получая с промышленным строительством импульс градообразовательным процессам, переживали «второе рождение» — например, Сегежа, Череповец, Мончегорск. Другие поселенческие структуры, вблизи которых возводились крупные народно-хозяйственные объекты, выросли до статуса индустриального города — это, например, Нювудвинск, Коржма, Апатиты, а такой город, как Костомукша, в связи со строительством горно-обогатительного комбината был построен на «чистом месте». Недостаток трудовых ресурсов для выполнения народно-хозяйственных программ, осуществлявшихся во второй половине 1960-х — в середине 1980-х гг. в регионе, обуславливал формирование населения индустриальных городов Европейского Севера России преимущественно за счет интенсивного миграционного оборота, что определяло специфику социокультурного облика горожан. Население индустриальных городов характеризовалось социальной, этнической и иной разнородностью; выраженным преобладанием мигрантов над коренными жителями; постоянно находилось в процессе изживания маргинальности «приезжего», которая крайне медленно перерождалась в стабильное самоощущение «коренного». Внутренне разобщенный городской социум индустриального города Европейского Севера России представлял собой скорее вынужденную сумму индивидуальных биографий, чем оформившуюся общность. Неизбежным последствием этого являлась люмпенизация, коррозия норм морали, неустойчивость семейно-брачных отношений, повышенная криминогенная обстановка, распространение пьянства и алкоголизма среди населения индустриальных городов.

Научная литература, в которой объектом изучения является город, многочисленна и многообразна, но только в трудах последних десятилетий XX — начала XXI в. стало уделяться внимание социальным проблемам городов [24]. Однако сюжет, которому посвящена данная статья, специально не изучался.

Целью этой статьи является выяснение отношения населения индустриальных городов Европейского Севера России к потреблению спиртных напитков, причин повышенного интереса значительной части горожан к алкоголю; рассмотрение социокультурного облика злоупотребляющих алкоголем, влияние пьянства на здоровье населения, на криминогенную обстановку, на другие стороны жизни индустриальных городов региона.

Год от года увеличивалось количество потребляемого населением индустриальных городов алкоголя, что видно на примере г. Мончегорска (табл. 1) [5].

Таблица 1

Годы	Выпито горожанами спиртных напитков, л
1967	998 тыс.
1968	1 млн 66 тыс.
1969	1 млн 246 тыс.
1970	1 млн 281 тыс.
1971, 9 мес.	1 млн 538 тыс.

При увеличении количества потребляемых алкогольных напитков в Мончегорске численность населения города в эти годы оставалась почти постоянной, следовательно, росло потребление алкоголя на душу населения. В г. Ковдоре потребление спиртных напитков на душу населения с 1972 по 1976 г. увеличилось в 1,5 раза [6]. В целом в индустриальных городах региона потребление ликеро-водочных изделий на душу населения было выше среднеобластных и среднереспубликанских показателей. Например, в Череповце потребление ликеро-водочных изделий на душу населе-

ния в 1978 г. составляло 28,7 л, в Вологодской области — 15,6 л, а в РСФСР — 10,2 л [25]. В г. Костомукше, несмотря на то, что административные органы города в различных инстанциях ставили вопрос об ограничении ввоза и продажи крепких спиртных напитков в зоне всесоюзной комсомольской стройки, расположенной на приграничной с капиталистической страной территории, где бок о бок трудились финские и советские граждане, ввоз спиртных напитков постоянно увеличивался. Только водки Костомукшским отделом рабочего снабжения было реализовано (табл. 2) [20].

Таблица 2

Год	Реализовано водки, л	Численность населения Костомукши, чел.
1978	14 850	3 500
1979	90 870	8 300
1980	120 400	12 000

Как видно из приведенных данных, рост объемов реализации водки опережал рост населения, т. е. увеличивалось потребление водки на душу населения. В приведенные данные не вошли другие спиртные напитки, реализованные в городе: вино, коньяк, крепкие спиртные напитки (до 30° алкоголя).

Несмотря на отбор населения для карельской новостройки, который исключал прибытие в Костомукшу ранее судимых, плохо характеризовавшихся людей по прежнему месту работы, «асоциальных элементов», когда строящийся комбинат и город должны были стать для капиталистической Финляндии «витриной социализма», демонстрирующей преимущества социализма во всех сферах жизни, в том числе преимущества «социалистического образа жизни», злоупотребление спиртными напитками в городе усиливалось. За 9 месяцев 1981 г. в отдел внутренних дел

Костомукши был доставлен 771 человек за появление в общественном месте в «виде, оскорбляющем человеческое достоинство». В числе доставленных имелись и граждане Финляндии [21]. Финские строители иногда также нарушали общественный порядок в Костомукше, выменивая у советских коллег водку на товары ширпотреба. В январе 1979 г. начальник строительства акционерного общества «Финнстрой» отмечал: «В последнее время участились факты нарушения покоя советских граждан по ночам, связанные с поисками спиртных напитков. Своим решением от 5 января 1979 года руководство Финн-Строя лишило права на въезд в СССР 8 граждан Финляндии за вышеупомянутые проступки» [19, с. 159–160]. В начале 1980-х гг. количество лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками, в Костомукше стало так велико, что возникла необходимость открытия медицинского вытрезвителя [22].

В индустриальных городах Европейского Севера в изучаемый период увеличивалось количество горожан — клиентов медвытрезвителей. В 1973 г., например, в медвытрезвитель г. Апатиты было доставлено 5828 чел., а в 1980 — 10 423 [7]. В медвытрезвитель Первомайского района отдела внутренних дел г. Череповца в 1983 г. было доставлено 11 589 чел., а в 1984 — 13 510; всего клиентами двух медвытрезвителей г. Череповца в 1984 г. стали 28 383 чел. — это примерно 10% населения города [26]. Усилия медвытрезвителей по профилактике пьянства и алкоголизма не всегда были эффективны. По признанию начальника Череповецкого медвытрезвителя, «...есть такие (люди. — *Р. К.*), которые попадают в вытрезвитель по 40–50 раз» [27].

Каков же был социальный портрет лиц, помещенных в медвытрезвитель? Примерно 70% помещенных на вытрезвление — это мужчины рабочих специальностей; около 50% — мужчины старше 30 лет; около 35% — молодежь от 18 до 30 лет; примерно 3% клиентов медвытрезвителей — женщи-

ны [28]. Из проанкетированных в 1978 г. 1135 человек, клиентов Череповецкого медвытрезвителя, — 21% — неквалифицированные рабочие, 46% — квалифицированные рабочие, 52% — семейные, 56% проживали в отдельной благоустроенной квартире, 51% получали зарплату более 150 руб. в месяц, 53% не имели среднего образования, 14% имели только начальное образование, 9% — члены профсоюза, 9% — члены ВЛКСМ [29]. Накануне пусков важных народно-хозяйственных объектов, когда в городах увеличивалось количество командированных, увеличивалась их доля в составе клиентов медвытрезвителей с 2 до 7%. Только 2–3% доставленных в медвытрезвитель являлись нетрудоспособными — это пенсионеры, инвалиды [30]. Нередко клиентами вытрезвителей бывали инженерно-технические работники, руководители, члены КПСС, несовершеннолетние. Количество доставленных в медвытрезвитель Коряжмы за 1968 г. составляло 1630 чел., из них членов КПСС — 52, членов ВЛКСМ — 92 человека [1]. В медвытрезвитель г. Череповца в 1975 г. в сильной степени опьянения было помещено 46 руководителей: бригадиров, мастеров, прорабов [31]. Подобные факты снижали авторитет КПСС и ВЛКСМ и дискредитировали правящую партию, комсомол, а также руководителей трудовых коллективов, что создавало дополнительные трудности по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Только в мае 1974 г. в медвытрезвитель Коряжмы было доставлены 5 руководящих работников, 7 членов КПСС, 12 комсомольцев, 8 несовершеннолетних, а одна из несовершеннолетних попадала в вытрезвитель в мае 1974 г. дважды [2]. По словам главного врача Мурманской областной психиатрической больницы Н. В. Курашова: «...алкоголизм из года в год омолаживается. По данным наркологического отделения областной психиатрической больницы, прошедших лечение в возрасте 20–29 лет возросло с 20,3% в 1976 г.

до 30,6% в 1980 г. Неуклонно растет наиболее курабельный женский алкоголизм...» [8]. На вопрос работников Череповецкого медвытрезвителя в 1978 г. «Отчего пьете?» респонденты клиенты медвытрезвителя ответили так: 27% опрошенных — «пью без причин», 5,3% — «в праздник», 11,4% — «в дни получек», 40% опрошенных — «укоренившаяся привычка» [32].

Наиболее употребляемым алкогольным напитком в индустриальных городах региона была водка. Потребление алкоголя в городах особенно увеличивалось в дни выдачи зарплаты, в пятницу и субботу; снижалось потребление спиртных напитков в понедельник. В 1970-е годы в Череповце на пятницу и субботу приходилось примерно 34% всех доставляемых в медвытрезвитель [33]. По времени суток алкоголь чаще употребляли вечером с 16 до 20 часов, когда заканчивалась работа в учреждениях, первая смена на промышленных предприятиях и в строительных организациях [34]. Как правило, в медвытрезвитель доставляли (по убывающей) в основном с улиц городов, вокзалов, общежитий, подъездов, учреждений культуры. Случалось, что в медвытрезвитель клиента доставляли непосредственно с рабочего места. Например, в 1978 г. в медвытрезвитель г. Череповца за распитие спиртных напитков на рабочем месте в состоянии сильного алкогольного опьянения были доставлены 4 рабочих сталепрокатного завода [35]. В г. Апатиты за 8 месяцев 1985 г., несмотря на то что в городе шла очередная кампания по борьбе с пьянством, с рабочих мест в медицинский вытрезвитель было доставлено 17 человек [9]. Во многом это объяснялось тем, что в изучаемый период в индустриальных городах Европейского Севера имелось большое количество не занятых рабочих мест. В Череповце, например, в 1979 г. имелось 4 тыс. вакансий, поэтому лица, склонные к злоупотреблению спиртными напитками, нередко позволяли себе упот-

реблять их на рабочем месте, не опасаясь увольнения.

Сколько же средств расходовалось в месяц на покупку спиртных напитков на душу населения в индустриальном городе? Имеются данные по Костомукше. В 1981 г. здесь в среднем в месяц продавалось товаров на сумму 114 рублей 44 копейки, в том числе на продовольственные товары тратилось 74 рубля 12 копеек (64% всех расходов). На хлеб и хлебобулочные изделия горожане тратили ежемесячно на душу населения 1 рубль 93 копейки, на покупку животного и растительного масла — 2 рубля 73 копейки, на мясопродукты — 11 рублей 65 копеек, а на вино-водочные изделия — 24 рубля 41 копейку. Таким образом, примерно 1 / 3 расходов на продовольственные товары составляли расходы на алкоголь [23]. На практике взрослое население Костомукши тратило на алкоголь еще больше. Население г. Мончегорска в начале 1970-х годов потребляло спиртных напитков на 15,7 млн рублей в год и тратило на спиртные напитки 12,9% своих доходов [10]. Население г. Апатиты и пригородной зоны на приобретение ликероводочных изделий в 1984 г. на душу населения тратило 181,9 руб. [11].

Распространению пьянства и алкоголизма в индустриальных городах Европейского Севера России способствовала бурная миграция в города, население которых формировалось в изучаемый период преимущественно в результате интенсивного миграционного оборота. На новостройки и предприятия индустриальных городов Европейского Севера России по общественному призыву, оргнабору, направлению трудоресурсов устремились десятки тысяч людей трудоспособного возраста, в основном молодых, из различных областей, союзных и автономных республик СССР. Независимо от мотивации их переезда мигранты начинали жизнь на новом месте нередко в непривычных для себя природно-климатических условиях с коротким летом,

холодной, дождливой, ветреной осенью, длинной, морозной, снежной зимой с коротким световым днем, особенно тяжелой в Приполярье и за Полярным кругом, где продолжительность безморозного периода составляет всего 60–80 дней в году, а время с устойчивым снежным покровом — 190–220 дней в году, с полярной ночью. В таких суровых климатических условиях нелегко было трудиться. Нередко приходилось выполнять работы при пониженных температурах, во временных, слабоотапливаемых помещениях или вне помещений, в заснеженной местности, когда не только труд, но и отдых вне помещений являлся естественным фактором риска для здоровья людей. Потребление алкоголя в таких условиях являлось способом снятия физического и психологического напряжения, накопившегося в течение дня, а иногда — способом, позволяющим согреться. Отсутствие крепких человеческих связей на новом месте у недавно познакомившихся мигрантов также способствовало потреблению алкогольных напитков.

Благоприятным фактором для повышенного интереса горожан к потреблению алкогольных напитков являлось характерное для индустриальных городов Европейского Севера России отставание в развитии объектов социокультурного назначения от темпов роста населения городов. Например, Коряжма в 1966 г., когда ее население составляло уже 30 тыс. человек, не полностью была радиофицирована, любительский телецентр транслировал телепередачи только три раза в неделю. Поселок имел только один кинотеатр, и чтобы посмотреть кинофильмы, желающим приходилось выстаивать очереди за билетами по несколько часов. Поселковая библиотека размещалась в старом бараке [3].

Значительная часть мигрантов в индустриальные города региона были людьми, которые родились и выросли в сельской местности. Новоявленные горожане не имели привычек в условиях города прово-

дить досуг, что также толкало некоторых из них на досуге прибегать к употреблению спиртных напитков.

Пьянству способствовали относительно высокий материальный уровень жизни в индустриальных городах Европейского Севера, относительно высокие зарплаты. Повышенный посяной коэффициент к зарплате трудящихся региона, периодические надбавки (полярные) трудящимся за Полярным кругом определяли то, что средний уровень зарплаты в индустриальных городах Европейского Севера был выше среднего по РСФСР и стране. Так, в 1976 г. в г. Апатиты средняя зарплата составляла 277 рублей в месяц, а по РСФСР — 159 рублей [12]. При этом более высокая номинальная зарплата одновременно являлась и более высокой реальной заработной платой, так как посяные надбавки в торговой сети были невелики — около 10% — и только на продовольственные товары.

Распространению пьянства способствовала доступность алкогольных напитков: в изучаемый период их продавали в магазинах, в кафе, в барах, в киосках, в столовых, в «рюмочных», в «закусочных» и т. п. Кроме того, некоторые цеха металлургических, химических, целлюлозно-бумажных предприятий получали спирт на производственные цели, иногда без определенных норм, что создавало благоприятные условия для его хищения и распития на рабочем месте. На сессии Коряжемского поселкового совета народных депутатов в 1974 г. отмечалось: «В результате пьянства, допущенного на рабочем месте (на Котласском ЦБК. — *Р. К.*), компрессорщики центральной насосной Царев, Бушманов, Брагин в апреле 1974 года вызвали аварию оборудования и остановили на несколько часов ряд цехов комбината. Много пьяных задерживается на проходной комбината при следовании на работу и при возвращении с работы» [4].

Иногда причиной пьянства служили «несбывшиеся надежды». Данная при вер-

бовке на новостройки Европейского Севера России установка на высокие жизненные стандарты и возможности становилась причиной крайнего разочарования жизнью в индустриальном городе, с не поспевающим за промышленным жилищным строительством и строительством объектов социокультурного назначения, с суровыми климатическими условиями, с тяжелым трудом. Такое разочарование чаще переживали рабочие, годами проживавшие в общежитиях, как правило, в отсутствие семьи, ожидая получения квартиры по 10–12 лет. Нередко этих людей не устраивала работа, зарплата, условия проживания, но оставить работу они не могли, поскольку другой жилплощади, кроме места в ведомственном общежитии, они не имели. За 9 месяцев 1975 г. из общежитий города Череповца, например, в медвытрезвитель было доставлено 1205 человек в сильной степени алкогольного опьянения, а подобрано на улице из числа проживающих в общежитиях и доставлено в вытрезвитель 1799 человек. Таким образом, более 13% лиц, проживающих в общежитиях города, стали клиентами медвытрезвителя (всего в общежитиях проживало около 10% населения Череповца. — *Р. К.*), что свидетельствовало о повышенной склонности проживающих в общежитиях к злоупотреблению спиртными напитками [36].

Распространению в индустриальных городах пьянства и алкоголизма способствовало присутствие на их территории контингентов системы исполнения наказания. Многие из этих людей злоупотребляли спиртными напитками, страдали алкоголизмом. За период с марта по октябрь 1976 г. в трест «Кольстрой» прибыли 1050 человек «условников». Из них более 400 человек в течение данного периода доставлялись в медвытрезвитель [13]. По данным начальника отдела кадров треста «Череповецжилстрой», «если на 100 человек кадровых рабочих строительно-монтажного управления треста за 1977 год доставлено в медвытрез-

витель 2 человека, то на 100 человек спецконтингента в медвытрезвитель доставлено 46 человек» [37]. Условно осужденные и условно освобожденные от числа доставленных в медвытрезвитель Индустриального района отдела внутренних дел г. Череповца в первой половине 1980-х гг. составляли примерно 12%, а удельный вес их в структуре населения составлял около 1,5% [38]. Специально для лечения от алкоголизма больных из числа контингента условно освобожденных и условно осужденных в начале 1980-х годов на базе спецкомендатуры г. Череповца был создан наркологический кабинет [39]. Постоянно росло число лиц с уголовным прошлым среди тех, кто поступал на лечение в наркологическое отделение Мурманской областной психиатрической больницы. В 1980 г. удельный вес ранее судимых среди алкоголиков, лечившихся в наркологическом отделении больницы, составлял 28,4% [14]. В основном это были лица, проживавшие в индустриальных городах области.

Как же относилось население индустриальных городов к проблемам пьянства и алкоголизма? Мониторинг общественного мнения горожан, проведенный кафедрой психологии Череповецкого пединститута в мае — июне 1978 г., показал, что абсолютное большинство опрошенных выразили обеспокоенность распространением в городе пьянства и алкоголизма, что свидетельствовало об остроте проблемы и актуализации эмоциональной составляющей сознания горожан. Примечательно, что подавляющее большинство на вопрос о причинах пьянства назвали, прежде всего, социокультурные причины: такие как неумение организовывать свободное время, низкий уровень культуры, проблемы в воспитании, безответственность за свои поступки и действия, отсутствие в трудовых коллективах нетерпимости к фактам злоупотребления спиртными напитками, снисходительное отношение к пьяницам. Кроме того, опрошенные обратили внимание на от-

сутствие в городе необходимой базы для проведения досуга. На вопрос о личном вкладе в борьбу с пьянством и алкоголизмом 10% респондентов ответили, что проводят антиалкогольные беседы среди учащихся, 11% — делают замечания на улице, 10% принимают участие на производстве при обсуждении вопросов борьбы с пьянством и алкоголизмом, небольшой процент респондентов вели антиалкогольную работу в общежитиях, а более 80% ответили, что не участвуют в этой работе, видимо, полагая, что проблемы пьянства и алкоголизма в городе должен решать кто-то другой. Абсолютное большинство опрошенных для усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом предлагали меры административного характера: сокращение продажи спиртных напитков, активизация работы милиции по борьбе с пьянством и алкоголизмом, а также общественных организаций, администрации предприятий, изоляция алкоголиков, которых следует отправлять на принудительное лечение и т. п. Таким образом, горожане показали непонимание собственной включенности в борьбу с пьянством и алкоголизмом, неактуализированность волевого аспекта сознания. Причинами пассивности населения, как представляется, являлось обывательское стремление уклониться от решения «чужих проблем», а также высокий удельный вес в составе горожан мигрантов, когда личность оказывалась в маргинальной ситуации [40].

Борьба с пьянством и алкоголизмом в изучаемый период носила во многом компанейский характер, периодически активизируясь в связи с выходом очередного правительственного решения, требовавшего усиления этой борьбы. Однако это мало влияло на интенсивность употребления горожанами алкогольных напитков.

В индустриальных городах региона постоянно увеличивалось количество больных хроническим алкоголизмом. Например, если в 1980 г. на учете у нарколога

г. Апатиты состояло 1960 человек, то в 1984 г. — 2305. На принудительное лечение от алкоголизма в лечебно-трудовой профилакторий г. Апатиты в 1982 г. было отправлено 298 человек, а в 1984 г. — 359 алкоголиков [15]. Если в 1976 г. удельный вес больных алкоголизмом в наркологическом отделении Мурманской областной психиатрической больницы из г. Апатиты и района составлял 9,3%, то в 1980 г. — 20,8%, (а доля населения г. Апатиты и пригородной зоны в составе населения Мурманской области составляла около 1/10. — *Р. К.*) [16]. Эти данные свидетельствуют о том, что заболеваемость алкоголизмом в Апатитах была выше, чем в среднем по области.

Основным показателем лечебной работы наркологической службы является ремиссия, т. е. период трезвости после лечения. В наркологической службе г. Апатиты ремиссия 6 месяцев составляла: в 1982 г. — у 5,6% пролечившихся; в 1983 г. — у 12,2%; в 1984 г. — у 19,1% [17]. Таким образом, несмотря на то, что у проходивших лечение от алкоголизма в I пол. 1980-х гг. период ремиссии увеличивался, 72,7% прошедших лечение возобновляли употребление спиртных напитков, по крайней мере, спустя 12 месяцев. Поэтому назвать такое лечение эффективным нельзя. Эффективность лечения снижалась определенными трудностями, испытываемыми наркологическими службами в некоторых препаратах, хотя расходы государства на лечение алкоголизма постоянно увеличивались. Например, если в 1976 г. наркологическое отделение Мурманской областной психиатрической больницы израсходовало 360 тыс. руб., то в 1980 г. — 845 тыс. руб. [18]. Мешало лечению алкоголизма не очень четко налаженное поддерживающее лечение алкоголиков в амбулаторных условиях; отсутствие дифференциации при размещении на лечение больных по степени выражения алкоголизма, наличия или отсутствия алкогольной деградации личности;

слабое использование анонимной формы лечения алкоголизма; отсутствие четкого взаимодействия в работе городских ОВД, администрации предприятий и наркологических служб.

Итак, усилия городских властей, лечебных учреждений, административных органов, администраций предприятий, общественных организаций по борьбе с пьянством и алкоголизмом в индустриальных городах Европейского Севера России оказались неэффективными. В индустриальных городах региона до конца изучаемого периода наблюдался устойчивый повышенный интерес горожан к употреблению алкогольных напитков, постоянно росло количество потребляемых алкогольных напитков на душу населения, из года в год увеличивалось число лиц, злоупотребляющих спиртными напитками. С одной стороны, это было проявлением тенденции, наблюдавшейся в изучаемый период в целом по стране. С другой стороны, в индустриальных городах Европейского Севера России в силу комплекса факторов — социально-экономических, природно-климатических, демографических, психологических — проблема пьянства и алкоголизма среди населения стояла особенно остро. В результате в индустриальных городах наблюдался повышенный уровень потребления алкогольных напитков по сравнению с городскими поселениями других типов. Как следствие этого, не только первенство индустриальных городов по количеству больных хроническим алкоголизмом, алкогольными психозами, но и повышенная криминогенная обстановка по сравнению с городскими поселениями других типов. Многие из индустриальных городов региона Министерство внутренних дел СССР в изучаемый период относило к числу городов с особо сложной оперативной обстановкой, а пьянство являлось важнейшим фактором ее осложнения. К последствиям пьянства и алкоголизма в индустриальных городах относилась также и повышенная заболеваемость

мость населения по сравнению с жителями городских поселений других типов венерическими болезнями, для которых состояние алкогольного опьянения являлось вторым по значимости фактором риска; постоянное увеличение на новостройках, промышленных предприятиях случаев нарушения трудовой и производственной дисциплины, прогулов, что вызывало снижение показателей производительности труда, обострение проблемы обеспеченности трудовыми ресурсами. Высокий коэффициент разво-

димости, большое количество неполных семей также являлось следствием широкого распространения в индустриальных городах Европейского Севера России пьянства и алкоголизма. Названные и другие социальные проблемы, характерные для индустриальных городов региона, позволяют рассматривать индустриальный город Европейского Севера России как пространство коллективной травмы, сопровождающей свойственные индустриальному городу разнаправленные адаптационные процессы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архивный отдел администрации г. Коряжма. Ф. 1. Оп. 1. Д. 80. Л. 236.
2. Архивный отдел администрации г. Коряжма. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 124.
3. Архивный отдел администрации г. Коряжма. Ф. 1. Оп. 1. Д. 64. Л. 130, 131, 135.
4. Архивный отдел администрации г. Коряжма. Ф. 1. Оп. 1. Д. 167. Л. 124.
5. Государственный архив Мурманской области в г. Кировске (ГАМО в г. Кировске). Ф. 301. Оп. 6. Д. 214. Л. 25.
6. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 596. Л. 38.
7. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 922. Л. 67.
8. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 925. Л. 39.
9. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 1177. Л. 9.
10. ГАМО в г. Кировске. Ф. 301. Оп. 6. Д. 284. Л. 37.
11. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 1177. Л. 16.
12. ГАМО в г. Кировске. Ф. 331. Оп. 1. Д. 160. Л. 68.
13. ГАМО в г. Кировске. Ф. 301. Оп. 6. Д. 600. Л. 48.
14. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 925. Л. 39.
15. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 925. Л. 39; Д. 1177. Л. 33–34.
16. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 925. Л. 39.
17. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 1177. Л. 34.
18. ГАМО в г. Кировске. Ф. 329. Оп. 1. Д. 925. Л. 41.
19. История Костомукши. Документы и материалы. Петрозаводск, 1994.
20. Костомукшский муниципальный архив. Оп. 1. Д. 79. Л. 6.
21. Костомукшский муниципальный архив. Оп. 1. Д. 68. Л. 48.
22. Костомукшский муниципальный архив. Оп. 1. Д. 1–1. Л. 105; Д. 68. Л. 49.
23. Костомукшский муниципальный архив. Оп. 1. Д. 68. Л. 87.
24. Урбанизация и развитие городов в СССР / Отв. ред. И. И. Сигов. Л., 1985; *Сеняевский А. С.* Урбанизация России в XX веке: роль в историческом процессе. М., 2003; *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Т. 1. СПб., 2003 и др.
25. Череповецкий центр хранения документации (ЧЦХД). Ф. 7. Оп. 11.
26. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 1137. Л. 11; Д. 1197. Л. 1.
27. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 340. Л. 36.
28. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 1137. Л. 1, 2, 11, 12; Д. 1088. Л. 20.
29. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11)1. Д. (730)185. Л. 105.
30. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 1137. Л. 1; Д. (730)185. Л. 103.
31. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 647. Л. 9.
32. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 667. Л. 130.
33. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11)1. Д. (443)167. Л. 132.

34. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 1137. Л. 2.
35. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 667. Л. 135.
36. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 647. Л. 12.
37. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 667. Л. 36.
38. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 1137. Л. 1; Д. 1088. Л. 9.
39. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. 11. Д. 998. Л. 65.
40. ЧЦХД. Ф. 7. Оп. (11)1. Д. (730)185. Л. 116–117.

REFERENCES

1. Arhivnyj otdel administracii g. Korjzhma. F. 1. Op. 1. D. 80. L. 236.
2. Arhivnyj otdel administracii g. Korjzhma. F. 1. Op. 1. D. 167. L. 124.
3. Arhivnyj otdel administracii g. Korjzhma. F. 1. Op. 1. D. 64. L. 130, 131, 135.
4. Arhivnyj otdel administracii g. Korjzhma. F. 1. Op. 1. D. 167. L. 124.
5. Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoy oblasti v g. Kirovske (GAMO v g. Kirovske). F. 301. Op. 6. D. 214. L. 25.
6. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 596. L. 38.
7. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 922. L. 67.
8. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 925. L. 39.
9. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 1177. L. 9.
10. GAMO v g. Kirovske. F. 301. Op. 6. D. 284. L. 37.
11. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 1177. L. 16.
12. GAMO v g. Kirovske. F. 331. Op. 1. D. 160. L. 68.
13. GAMO v g. Kirovske. F. 301. Op. 6. D. 600. L. 48.
14. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 925. L. 39.
15. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 925. L. 39; D. 1177. L. 33–34.
16. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 925. L. 39.
17. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 1177. L. 34.
18. GAMO v g. Kirovske. F. 329. Op. 1. D. 925. L. 41.
19. Istorija Kostomukshi. Dokumenty i materialy. Petrozavodsk, 1994.
20. Kostomukshskij municipal'nyj arhiv. Op. 1. D. 79. L. 6.
21. Kostomukshskij municipal'nyj arhiv. Op. 1. D. 68. L. 48.
22. Kostomukshskij municipal'nyj arhiv. Op. 1. D. 1–1. L. 105; D. 68. L. 49.
23. Kostomukshskij municipal'nyj arhiv. Op. 1. D. 68. L. 87.
24. Urbanizacija i razvitie gorodov v SSSR / Otv. red. I. I. Sigov. L., 1985; *Senjavskij A. S.* Urbanizacija Rossii v XX veke: rol' v istoricheskom processe. M., 2003; *Mironov B. N.* Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.). T. 1. SPb., 2003 i dr.
25. Cherepoveckij centr hranenija dokumentacii (ChCHD). F. 7. Op. 11.
26. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 1137. L. 11; D. 1197. L. 1.
27. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 340. L. 36.
28. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 1137. L. 1, 2, 11, 12; D. 1088. L. 20.
29. ChCHD. F. 7. Op. (11)1. D. (730)185. L. 105.
30. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 1137. L. 1; D. (730)185. L. 103.
31. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 647. L. 9.
32. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 667. L. 130.
33. ChCHD. F. 7. Op. (11)1. D. (443)167. L. 132.
34. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 1137. L. 2.
35. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 667. L. 135.
36. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 647. L. 12.
37. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 667. L. 36.
38. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 1137. L. 1; D. 1088. L. 9.
39. ChCHD. F. 7. Op. 11. D. 998. L. 65.
40. ChCHD. F. 7. Op. (11)1. D. (730)185. L. 116–117.